

Экскурсия № 2
« Судьба госпиталя 28-14»

В школе с началом войны разместился госпиталь 28-14, который просуществовал до 1946 года. В незамысловатых стихах одной из выпускниц 1987 года говорится:

В нашей школе во время войны
Был один из госпиталей,
И сейчас на полах видны
И ноготочия от костылей.
И сейчас, если парты убрать
Безошибочно каждый поймёт,
Где стояли кровати в ряд,
Где меж ними сделан проход.

Возглавляла госпиталь Медведева Валентина Васильевна, замполитом был Мельников Михаил Леонтьевич, человек в районе известный.

Работали здесь врачи: Слуцкер Галина Рувимовна
Мальцева Анна Алиевна
Крусина Клавдия Александровна
Маширова Мария Ивановна
Громыко Нина Антонова
Горохова Александра Павловна
Корнилова Нина Алексеевна

Большую роль им оказывали мед. сестры: операционная медсестра Луковникова Валентина Васильевна, старшие мед. сестры I и II отделения Тугалукова Мария Михаловна, Моторкина Елизавета Михайловна и Токарева Евдокия Михайловна и большой штат сотрудников.

Не покладая рук работали эти женщины, возвращая здоровье раненым воинам. Время было тяжелое: Фашисты рвались к Москве, Советская армия, несмотря на ожесточенное сопротивление, несла большие потери.

Из воспоминаний Шаровой Лидии Александровны (старшего бухгалтера госпиталя):

«Раненые поступали в госпиталь на военных машинах, зимой тяжелораненых привозили в меховых мешках. Весь коллектив госпиталя участвовал в приеме больных, не считаясь с занимаемой должностью. Раненых было много, госпиталь был предназначен для тяжелораненых, так называемых «ампутантов». Из-за длительной транспортировки раны гноились, из-под гипса выползали черви. Худенькие, молоденькие сестры по 17-20 лет из-за нехватки врачей и санитаров выполняли самые разнообразные работы. Каково же им было обслуживать беспомощных больных: их на себе таскали в промывочную и перевязочную, а по тревоги – в бомбоубежище (в подвал или земляную щель во дворе). Сущим наказанием для молоденьких мед. сестер было мытье раненых – стеснялись. Но начальник госпиталя сурово сказал: « Вы пришли сюда раненых лечить или женихов искать?»- и вопрос был снят.

Нагрузка на одного медика была невыносимая: в каждом отделении насчитывалось до 200 раненых (отделений было три). Раненые лежали везде: на двухъярусных койках в палатах для рядового состава, в коридорах на полу. И никаких жалоб со стороны медперсонала. Полуголодные, легко одетые, в мороз 40 градусов пешком на работу из Канавина на Северный поселок, иной раз чулки к ногам примерзали, но не унывали. А для раненых эти девушки были всем: и мать, и сестра, и надежда на выздоровление. Особой любовью больных пользовалась

Дуся Орешкина, заботливая, отзывчивая, сердечная. Коллектив был дружный, сплоченный. Большим уважением пользовался замполит Мельников Михаил Леонтьевич (1893-1980). Родом из Новгородской области Посада Сольцы. С 14 лет начал трудиться учеником слесаря в Петербурге, затем находился на военной службе. Член РСДПРБ с 1913 года, активный участник штурма Зимнего и гражданской войны. До 1931 года находился на партийной и советской работ на Дону.

В Н. Новгород приехал в период строительства автозавода. Возглавлял парторганизации профтехкомбината, а затем – председатель Автозаводского райисполкома. Он удостоен звания почетный гражданин города Горького, а одна из улиц Северного поселка носит его имя (см. книгу « Почетные граждане г. Горького»).

Осеннее солнце 1941 года скупо освещало землю, щедро политую дождем. Холодный порывистый ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья. Совинформбюро сообщало: « Ожесточенные бои идут на подступах к столице нашей Родине-Москве. Оставлен город Можайск. Наши войска заняли оборону. Бои продолжаются».

Раненые слушали сводки, и тяжелые думы не покидали их. Жалость, боль, тоска, как клещами, сдавливали души. Ночью в сонном бреду слышались стоны, бормотанье, иногда-злая ругань. Они и во сне были как будто в бою. Большая заслуга замполита Мельникова М. Л. была в том, что он своими беседами не позволял предаваться унынию, вселял надежду на лучшее, на Победу.

Расположение госпиталя было следующим: на I этаже была кухня (старый актовый зал), Красный уголок (бывшая школьная столовая), аптека (правое крыло под лестницей, ныне переход к новой столовой). На II этаже находилась операционная (кааб. № 208) и палаты для послеоперационных больных. В помещении учительской была стерилизационная.

Пребывание в операционной и перевязочной выдерживала далеко не каждая медсестра. Трудно было привыкать к ежедневным ампутациям рук и ног, бросало то в жар, то в холод, поминутно тошнило, кружилась голова. Стойко переносили эти испытания старшая медсестра Луковникова. Медперсонал не жалел теплых слов для страдавшего от нетерпимой боли раненого воина. Белый халат олицетворял для него жизнь, помогал выстоять.

В операционной и перевязочной всегда было много дел. В конце дня после тихого часа, проводились лечебные ванны. Потом шла подготовка к следующему дню: нарезали из марли салфетки для обработки ран, скручивали ватные шарики для уколов, стерилизовали операционный и перевязочный материал и инструменты. Выписывали в аптеке медикаменты. Гладили выстиранные и высушенные бинты, складывали их для перевязок: перевязочного материала не хватало.

Третий этаж был занят костыльными больными. В кабине физики на месте нынешней лаборантской находился кабинет старшей мед. сестры. На 4 этаже размещались выздоравливающие (из рассказа Ключиковой Веры Ивановны, медсестры госпиталя).

Латыпова Вера Михайловна – зав. аптекой вспоминает: Автозавод, а вместе с ним и находящийся поблизости госпиталь, часто подвергались бомбардировки с воздуха, от которых вылетали оконные стекла. Приходилось согнувшись пробираться под подоконником, чтобы не быть задемой осколками. Но несмотря ни на какие трудности, работники аптеки своевременно снабжали госпиталь медикаментами и перевязочным материалом.

Рассказывает Шарова Лидия Александровна: « В ноябре 1941 года прямое попадание бомбы во двор госпиталя, где сейчас находится школьный гараж. К счастью, никто из работников и раненых не пострадал».

Медперсонал жил голодно. Зарплата медсестры была 600 рублей, а буханка хлеба стоила 80-150 рублей, туфли вообще 2 тыс. 800 рублей. Хлеб давали по карточкам на 2 дня, но мы съедали его за раз; а вдруг убьют при бомбежке и пакет пропадет.

Каждая семья во время войны раскапывала огороды на пустошах, сажали картошку. И ведь, несмотря на голод, никто тогда картошку не вырывал, не крал: в те суровые годы люди были намного честнее нынешних.

Суровая зима 1942 года разрисовала окна фантастическими узорами. Днем ненадолго проглядывало негреющее солнце и быстро пряталось. А тут и сумерки наступали. Долгие и веселые зимние вечера. Наступление сумерек и безделье были особенно мучительными для выздоравливающих.

Чтоб несколько разрядить обстановку, было решено проводить для раненых вечера художественной самодеятельности.

В госпитале существовала должность начальника клуба, хотя клуба так такового не было. Начальником клуба был Кожин Николай Васильевич. В его обязанности входило организовать досуг и увеселительную часть для раненых. Часто показывали кино, ставились концерты силами школьников, шефов и мед. персонала. Для тяжелобольных устраивали концерты прямо в палатах. Алексей Гороховский, один из таких малолетних «артистов», создателей культурной программы для раненых бойцов, вспоминает, что дети пели так называемые «жалостливые» песни о папке, которого «злая пуля нашла», о мамке, что «в холодную землю ушла», исполняли пляски под аккомпанемент солдатских ладоней, когда двое одноруких ампутантов хлопали один по ладони другого. По просьбе раненых дети писали письма родным бойцам, помогали медперсоналу. Некоторые из голодающих ребятишек так и приживались в госпитале. Раненые подкармливали их, прятали от глаз «сестренок» и доктора. Сотрудники госпиталя тоже участвовали в концертах. Откуда только силы брались? Хорошо пела частушки Вера Кузина. Всеобщей любовью пользовались лирические песни и романсы в исполнении старшей медсестры II отделения Туголуковой Марии Михайловны, обладавшей сильным, красивым голосом. После войны она несколько лет даже профессионально занималась концертной деятельностью, была солисткой хора.

Коллективом медсестер и выздоравливающих умудрялись даже ставить спектакли по произведениям Гоголя, Чехова, Островского. Один из таких моментов запечатлен фотографом военной поры. (Из воспоминаний Беспаловой Раисы Николаевны, м/с приемосортировочного отделения)

Самым тяжелым временем в судьбе госпиталя был июль 1943 года, когда в связи с подготовкой к сражению на Курской Дуге, Гитлер отдал приказ стереть с лица земли Автозавод.

6 июля 1943 года в 2 часа ночи загудели разом все заводы. Из репродукторов раздавалось: «Граждане! Воздушная тревога!» Эти слова летели по темным улицам и переулкам неосвещенного большого города. В вышине слышался глухой рокот множества самолетов. Вдруг тяжелым взрывом рвануло землю. Посыпались бомбы. Глухими залпами с земли отвечали артиллеристы-зенитчики. В темном небе перекрещивались лучи прожекторов, ловя черные точки самолетов.

«Автозавод горит! Автозавод горит!»- разносились по коридорам госпиталя. Медперсонал спешил перенести раненых в подвал.

Начали поступать пострадавшие работники завода и жители Соцгорода, Американского поселка. Врач Крузина Клавдия Александровна рассказывала: «Пострадавших было так много, что обувь в приемном покое (нынешний вестибюль) прилипали к полу из-за обилия крови. Мне, как старшему хирургу (до войны детскому врачу) намного легче было обрабатывать раненых солдат, чем детей и женщин. Невозможно было без содрогания смотреть на их страдания».

Бомбежки продолжались целую неделю. Выздоровливающих солдат срочно выписывали. Начальник отдела военного снабжения Кисляков Александр Макарович (с февраля 1945 г.) рассказывал, что отдел располагался с левой стороны на I этаже. Здесь хранились вещмешки и обмундирование раненых. При выписке бойцам выдавался полный комплект одежды от шинели до сапог.

Дальнейшая жизнь раненых и спасенных бойцов требовала много воли и мужества. Туголукова М. М. вспоминает: о раненом Гофмане, человеке удивительной судьбы. Бывший офицер, которому пришлось, ампутировать ноги он не потерял воли к жизни. С помощью жены он смог окончить институт в Ленинграде, стать в нем преподавателем.

Но судьбы некоторых других раненых складывались трагически: «Вот паренек из Архангельска. Ранение было тяжелое, около него был организован специальный пост. Мечтал жить: «Все равно выздоровлю, вернусь домой и женюсь на какой-нибудь «трескоедке». Но не суждено было сбиться мечте - умер от ран. Удары судьбы поджидали на каждом шагу: вот вытащили из лап смерти одного бойца, стал он поправляться, и вдруг менингит.

А другого готовили к выписке, а он, будучи без обеих ног, не захотел быть обузой своим родным и сам свел счеты с жизнью. На инвалидной коляске съехал с 4 этажа на улицу и бросился под проходящий поезд.

В 1943 г. Госпиталь 28-14 был реорганизован. Одна часть была отправлена в Тулу, ближе к линии фронта, где разворачивалось наступление Советской Армии в связи с операцией на Курской дуге. А другая часть медиков, обремененных, детьми или престарелыми родителями продолжала работать здесь же, в здании школы. Только госпиталь сменил номер на 58-14 и продолжал действовать до июля 1946 года.

Всего через госпиталь прошли 7 тысяч раненых. Многие из них сохранили память о своих спасителях. Так недавно Кожухова (Панкратова) Александра Николаевна встречалась с бывшим пациентом из Ашхабата Джелаловым Тагилом Мамедовичем.

А сколько теплых слов оставили раненые на обороте любительских фотографий той поры. Вот одна из них: «Лучшей медсестре Орешкиной Дусе от...»

Салют и слава годовщине

Навеки памятного дня.

Салют Победе, что в Берлине

Огнем попрала мощь огня.

Салют ее большим и малым

Творцам, что шли путем одним

Её бойцам и генералам

Героям павшим и живым

(А. Твардовский)